

скоро не будет меня в сем мире. Обращаю глаза на прошедшую жизнь мою, и, полагаясь на благодать Провидения, спокойно ожидаю смерти. В сию минуту более, нежели когда-нибудь, благодарю Бога за то, что я воспитан был в Христианской Религии и что спасительные истины ея всегда жили в моем сердце. Благодарю Его и за вашу драгоценную дружбу, которая служила мне утешением в жизни и питала в душе моей любовь к мудрости и добродетели... Простите, дражайший друг мой! Живите еще многие лета и просвещайте человечество; живите и распространяйте царство добродетели!.. Простите! В сию минуту душа моя к вам стремится: — я хотел бы обнять вас в последний раз; хотел бы в последний раз слышать из уст ваших сладостное наименование друга; хотел бы словесно изъявить вам всю признательность, всю чувствительность моего сердца... Я оставляю детей: будьте им вторым отцом, наставником, покровителем, другом!.. Простите! Где и как мы увидимся, не знаю; но знаю то, что Бог премудр, благ и всемогущ: мы бессмертны! дружба наша бессмертна!.. Скоро зашумит и подыметя передо мною непроницаемая завеса — слава Всевышнему!.. Простите в последний раз — рука моя слабеет — в последний раз называюсь здесь вашим верным, нежным, признательным, благодарным, умирающим, но вечным другом!” С такими чувствами, любезные друзья мои, кончил жизнь свою сей великий муж — и да будет конец наш подобен его концу!» (184).

Светлана Геллерман установила, что Карамзин, несмотря на его заявление, что «некоторые строки остались в моей памяти», включил в текст «Писем» не последнее письмо Галлера от 5 декабря 1777 г., а другое — от 20 ноября 1777 г. и с несколько измененным текстом. Как поясняет Геллерман, Карамзин выбрал из писем Галлера «патетическое и редкое по манифестированию его религиозного оптимизма».¹⁵

Верность деталям обстановки, в которой читалось письмо Галлера, действительно последнее, не помешала Карамзину подменить его другим письмом, более подходящим к общему нравственному строю «Писем». Так литературная установка возобладала над фактическими обстоятельствами.

Подобный прием Карамзин применил позже, когда в салоне госпожи Гло он слушал ее «Мысли о любви» и не только запомнил текст, но и изложил его по-русски! (288).

Такая обработка подлинного или сочиненного материала была нужна Карамзину по литературно-техническим соображениям. Когда это было возможно, Карамзин использовал доступные ему факты в подробной литературной аранжировке.

¹⁵ Ibid.